ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
RESEARCH ARTICLE

CC BY

ВАЩЕНКО Татьяна Сергеевна
Крымский университет культуры,
искусств и туризма,
Симферополь, Российская Федерация
vas_ts@mail.ru

УДК/UDC 712.03:[316.722:712.3](470.75-25)
ГРНТИ 13.09
ВАК 5.10.1.
https://doi.org/10.36343/SB.2026.45.1.004

Садово-парковая составляющая культурного кода Бахчисарая: от материального объекта к символической константе

Аннотация. В статье осмысливается символика сада с позиций формирования и функционирования культурного кода города. Цель – выявить значение садово-парковой компоненты в культурном коде Бахчисарая. Работа основана на материалах исторических описаний (путеводители XIX в., труды путешественников), поэтических сборников и официального сайта музея-заповедника. Проведен семиотический анализ садовых комплексов Ханского дворца (Бассейный дворик, Персидский сад, Ашлама-Сарай), в контексте мусульманской традиции рассмотрена их символика, включающая религиозные, династические и космологические смыслы. Прослежена трансформация материальных образов в поэтические и художественные репрезентации XIX–XX вв. Установлено, что садово-парковая составляющая выступает структурообразующим элементом культурного кода Бахчисарая и включает материальную и символическую компоненты, при этом главной особенностью сада является его способность к трансформации из материальной формы в образную, закрепляющуюся в культурной памяти.

Ключевые слова: Бахчисарай, Крымское ханство, садово-парковый комплекс Ханского дворца, культурный код, культурный ландшафт, город, культурная идентичность города, сад, семантика сада.

© Ващенко Т. С., 2026

В современном дискурсе общественно-гуманитарного знания феномен культурного кода занимает все более значимое место, являясь одним из ключевых концептов для объяснения структуры и функций социокультурных феноменов. Культурный код по праву считают основой для интерпретации и понимания любой знаковой или ценностно-нормативной системы, а его специфика проявляется, в том числе, в многоуровневом характере современных интерпретаций этого понятия: от сугубо научно-теоретических до повседневных, личностных. Как некая базовая структура, культурный код определяет способы взаимодействия человека с окружающим миром [19], в котором основным топосом в условиях модернизированного общества выступает городское пространство. Интерес к базовым символическим конструктам, лежащим в основе формирования и развития урбанизированных пространств, обусловлен особым местом города в становлении цивилизации и современной культуры. Американский социолог Р. Парк, один из основоположников социологии города, подчеркивал его производительную функцию, называя социальной лабораторией, в которой развиваются и находят применение все проявления человеческой природы, усиливаются ее культурные и социальные особенности [23, с. 12], то есть, по мнению О. И. Микитенец, происходит конституирование культуры [21, с. 163].

В настоящее время в отечественном научном и экспертном сообществе сформировался важный практической запрос на выявление и систематизацию культурной и символической составляющих российских городов. Происходит смещение приоритетов от сугубо функциональной оптимизации городского пространства, не учитывавшей знаково-символическую компоненту конкретных территорий, к использованию в рамках развития городского пространства его изначальных культурных кодов и исторически сформировавшейся культурной идентичности.

Понимание культурного кода города как неочевидной, символической структуры, его способность оказывать влияние на историческую, культурную, территориальную идентичность выступает фактором, поддерживающим интерес к его изучению и концептуальному анализу в научной среде.

Концепция культурного кода города как «определенной системы дешифровки» [29, с. 23] совокупности смыслов позволяет воспринимать сам город как единое органичное культурное пространство, обладающее территориальными, историческими, социальными, экономическими и прочими характеристиками. Она напрямую влияет на сохранение и развитие города, его культурного наследия, нивелирует угрозы разрыва связи и преемственности поколений, потери культурной идентичности локальных территорий и жителей крупных агломераций.

Проблемам изучения культурного кода города посвящен целый ряд работ. Несмотря на то, что существующие определения культурного кода отличаются разнообразием, отсутствует его единое общепринятое понимание, сам рассматриваемый концепт разработан в достаточной степени. Так, наибольший интерес представляет исследование Н. Г. Федотовой [29], раскрывающее основные аспекты культурного кода города, его концептуализацию и связь с исторической памятью и идентичностью. Среди актуальных работ также отметим труды С. С. Аванесова [1], исследовавшего культурный код города в корреляции с идентичностью. Еще один аспект культурного кода города, оказывающий непосредственное влияние на формирование городского пространства, анализирует Е. И. Спешилова, отмечая, что он позволяет расшифровать смысловое наполнение отдельного пространства [28, с. 63], продолжая воздействовать на его «производство». Такая двойственность и динамичность, способность создавать и реконструировать модель мироздания и особенности мировосприятия ее носителей в рамках конкретных территорий (в данном случае, города) особо актуальна при рассмотрении частично или полностью утерянных элементов городской культуры, к которым относятся и сады.

При рассмотрении концепции города как текста культуры, в котором особым элементом выступает сад, соединяющий природное и культурное пространства, особый интерес представляют исследования культурно-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2026 NO. 1

природного ландшафта, среди которых выделим работы О. А. Лавреновой [16], Е. Г. Кокориной [14], Г. Н. Калининой, С. В. Тикуновой [12] и других.

В контексте анализа семантики сада в городской среде следует выделить труды Д. С. Лихачёва [18], который считает изучение лишь визуальных аспектов садово-паркового искусства недостаточным для полноценного осмысления этого феномена культуры. Автор делает акцент на его символическом и аллегорическом смыслах, характерных для разных исторических эпох.

Среди зарубежных исследователей идеи Д. С. Лихачёва сопоставимы с трудами Д. Д. Ханта. В частности, в работе «Greater perfections: the practice of garden theory» («Великие совершенства: Практика теории сада») [35] ученый выделяет «три природы» ландшафта: дикую природу, преобразованный ландшафт и садовое искусство. По его мнению, сад служит «эталоном» при создании места, и эту роль ученый связывает с заложенным в основе садового искусства смыслом (или ассоциацией). В этой репрезентативной функции сада Д. Д. Хант выделяет символику, иконографию и «вымысел». В рамках настоящего исследования интерес представляет также работа С. Росс «What Gardens Mean» («Что означают сады») [36], в которой сад исследуется с философской точки зрения и рассматривается как родственное поэзии искусство, наполненное символами и аллюзиями. Для «прочтения» как поэзии, так и искусства необходимы одни и те же навыки: умение распознавать и понимать «цитаты». Используя в качестве примера сады XVIII в. в Англии, автор помещает садово-парковое искусство в ряд других изящных искусств, акцентируя внимание на сложных, многообразных сообщениях, которые могут передавать сады, и отслеживая многообразие связей разными видами искусств.

Тем не менее, несмотря на наличие серьезных теоретических разработок, рассматривающих парки и сады в качестве важного фактора формирования и функционирования городской культуры, можно констатировать недостаточную степень изученности сада как элемента культурного кода города. Проблематика семантики сада в городском культурном пространстве сохраняет высокий исследовательский потенциал и требует дальнейшей разработки. Таким образом, настоящее исследование рассматривает влияние сада как феномена культуры на современное и перспективное развитие культурного кода города Бахчисарая.

Исходя из цели данного исследования – выявить значение садово-парковой компоненты в культурном коде Бахчисарая, наиболее перспективным представляется использование структурно-семиотического подхода, который позволяет рассматривать любое явление культуры, в том числе и сад, с позиций знаковой системы.

В качестве материалов исследования были использованы результаты научных разработок культурного кода города и феномена сада с позиции его символического содержания; путеводители, содержащие исторические описания современниками Бахчисарая и его садов; поэтические сборники; сведения с официального сайта Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»; интернет-порталы и мультимедийные ресурсы о крымских татарах.

Понимая город как сложную семиотическую систему, отметим, что каждый ее элемент (архитектурные объекты, памятники, улицы, элементы дизайна, культурно-историческое наследие и т.п.) может выступать в роли знака, формирующего уникальный «текст» места. Этот «текст» считывается горожанами и гостями посредством декодирования культурных смыслов через присущую каждому из них собственную совокупность культурных кодов. Структурно-семиотический анализ становится, таким образом, базовым и обязательным для формирования целостного и аутентичного образа города, выявления его идентификационных маркеров и понимания образно-символических механизмов создания городского пространства.

В этом контексте сад, являющийся элементом культурного ландшафта территории и структурным элементом города, может быть определен как система «матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах (за-

печатленных в том числе в художественных образах), непосредственно связанных с территорией и / или имеющих на территории свое материальное выражение» [16, с. 41].

Таким образом, сад есть не что иное, как система знаков, обладающих исторической и семантической ценностью, и может быть осмыслен с позиций семиотического анализа в нескольких ключевых аспектах: как целостная текстовая структура, отдельная смысловая единица («слово») внутри текста более широкого культурного уровня, или как знак, являющийся элементарным носителем информации в рамках знаковой системы [14]. Как сложный текст в расширенном культурологическом понимании, сад, формируемый в процессе длительного историко-культурного развития совокупностью символов и знаков, несет в себе сакральные, хронологические и исторические смыслы[12][16].

В основной части исследования будет рассмотрена специфика городского сада как определенной символической системы, содержащей исторические, культурные, социальные, политические и иные коды. Еще одной задачей данной работы является иллюстрация перехода материального измерения культурного кода в образное, отражение символической составляющей городской культуры в искусстве и взаимовлияние объекта и его образа в восприятии конкретного городского пространства.

Выбор города Бахчисарая в качестве объекта эмпирического исследования обусловлен многослойностью его символической составляющей, образующей неповторимый историко-культурный контекст и оказывающей влияние на культурную идентичность не только его жителей, но и Крыма в целом.

Поиск оснований культурного кода знаковых городов и территорий, его дешифровка [29, с. 25] позволяют выявить основополагающие смыслы, лежащие в основе восприятия города жителями и туристами, определить стратегию его «социокультурного развития», «укрепления городской идентичности» [29, с. 25]. Необходимость описания культурного кода Бахчисарая, являющегося этнокультурным центром Крымского полуострова, выступает сегодня одной из ключевых задач в рамках развития региона.

* * *

Остановимся на специфике сада как феномена городской культуры. Приобретая статус общепризнанного символа, сад способен транслировать различные смыслы для разных людей и менять свое значение в зависимости от исторического и культурного контекста их восприятия [14].

Городские сады, с одной стороны, рассказывают об истории культуры конкретной территории, с другой – отображают различные аспекты современной культуры, а с третьей – способны влиять на дальнейшее развитие локального культурного пространства. Сад через систему символов, посредством информации, «зашифрованной» в нем в период создания, формирует культурный ландшафт, является носителем этнокультурной идентичности, за счет своей тесной взаимосвязи с иными видами искусств позволяет усилить уникальность [1, с. 22] национальных маркеров культурного кода города, при этом выполняя важную функцию возвращения индивида к естественной природной среде обитания.

Сады Бахчисарая, точнее его старой части, служат наглядным примером многовекового влияния этого конструкта на современное и перспективное развитие культурного кода территории. Необходимо отметить, что далее будут рассматриваться не столько существующие в настоящее время сады (точнее, то, что от них осталось), сколько образы садов периода Крымского ханства, закрепившиеся в исторической памяти. Такой выбор объекта исследования, с одной стороны, усложняет его, но, с другой стороны, позволяет наглядно показать, как сад, имеющий символическое значение в прошлом, будучи уничтоженным в физическом смысле, способен по сей день оставаться элементом культурного кода города и сохранять свое влияние в образно-символическом измерении.

Историческая часть Бахчисарая расположена на склоне в предгорной местности Крымских гор, в долине реки Чурук-Су. Для этого района характерно сохранение средневековой градостроительной планировки в виде извилистых и узких проездов, а так-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2026 NO. 1

же многочисленных традиционных жилых построек крымских татар. Будучи созданными в разные периоды истории полуострова, эти объекты вместе с особенностями местной природы сформировали неповторимый природно-культурный ландшафт Бахчисарая.

Историческое наследие Крымского ханства оказало определяющее воздействие на становление культурного кода Бахчисарая. Как отмечает исследователь Н. В. Прокопенков в работе, посвященной городу, характерные черты этого наследия сохранялись и описывались путешественниками в более поздние периоды. В частности, ученый обращается к «Практическому путеводителю по Крыму», опубликованному А. Москвичем в конце XIX в.: «Бахчисарай – один из немногих городов Крыма, где мусульманские нравы (между прочим, безупречная честность) сохранились во всей своей патриархальной неприкосновенности» [26, с. 21].

А. Н. Демидов, член Императорской Санкт-Петербургской академии наук, а также Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской, описывая путешествие в Южную Россию и Крым в 1837 г., так писал о своем первом впечатлении от приезда в Бахчисарай: «Это были те самые чертоги, где некогда обитали ханы Крымские, это было историческое здание, замок садов, которому город Бахчи-Сарай обязан своим знаменательным именем» [10, с. 327–328]. Автор сравнивает Ханский дворец со сказочными дворцами из сказаний Шахерезады, называет город истинно восточным и способным «перенести» путешественника в Азию. А. Н. Демидов обращает внимание на название города, которое с крымскотатарского языка переводится как «дворец-сад». Уже само название является элементом культурного кода Бахчисарая, символизируя сакральный образ Рая в мусульманской культуре. В исламском представлении правитель, хан – наместник Аллаха на земле, и, соответственно, его жилище – Рай, воплощенный на земле [20, с. 47]. Райское место воспринимается мусульманами как вечноцветущий сад, где обитают души верующих, он изобилует плодоносящими фруктовыми деревьями и кристально чистой водой. Сады Бахчисарая, в том числе утраченные, воплощают и сегодня этот код.

Другой путешественник С. Н. Филиппов после посещения Бахчисарая в 1889 г. так проникновенно описал восточный характер города: «Вы понимаете тогда и чувствуете, что находитесь на востоке. Да, Бахчисарай – это восток и по внешнему своему виду, и по складу всей своей жизни, ленивой, медлительной, неподвижной...» [30, с. 97–98]. Он ассоциирует город с «центром татарщины», где каждый элемент городского пространства, в том числе сады, отражает культурную идентичность этой нации, пронизан символическими смыслами картины жизни крымских татар. С. Н. Филиппов называет Бахчисарай «сердцем» Крыма, в то время как административную столицу – г. Симферополь – «головой», «мозгами» полуострова. Таким сравнением он подчеркивает функциональные и идентификационные различия городов Крыма.

Сегодня Бахчисарай – провинциальный город, но он хранит историю и культуру столицы Крымского ханства (центра крымскотатарской культуры), включая ее главную достопримечательность – Ханский дворец. Именно здесь садово-парковое искусство достигло значительного расцвета, как и в других государствах, входивших в ареал исламской культуры. Стилевой облик резиденции крымских ханов основан на архитектурных традициях Османской империи, и, как уже упоминалось выше, в основе художественного замысла концепции ансамбля содержится стремление к материальному воспроизведению мусульманского образа Рая.

«Райские сады» Востока – это не просто парки, а философия, воплощенная в упорядоченных определенным образом природных компонентах. В условиях дворцового комплекса это череда двориков – маленьких цветущих миров, спрятанных за высокими стенами и соединенных небольшими дверными проемами. Их главный секрет – непрерывное цветение, буйство жизни с весны до осени. Изначальный замысел такой планировки отчетливо виден в остатках комплекса Ханского дворца в Бахчисарае. Здесь природа и искусство слились воедино. Для строительства была выбрана долина, идеально подходящая по всем параметрам: плодородная почва, живописный

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

рельеф и естественный уклон местности, необходимый для организации полива. Уникальный микроклимат этой местности, защищенной горами от ветров, позволял выращивать теплолюбивые растения [20, с. 47].

Средневековые мастера черпали идеи из живой природы. Поскольку изображение человека и животных является запретным в исламе, орнаментальные украшения Ханского дворца по большей части восходят к растительным формам. Мотив сада является важным элементом мусульманской архитектуры. Растительные орнаменты настенных росписей и резных архитектурных деталей перекликаются с роскошными цветниками и беседками, увитыми виноградниками [32].

Дворики во внутреннем пространстве Ханского дворца были наполнены зелеными насаждениями, цветниками и водными источниками. Каждый из этих двориков имел свое предназначение, чему соответствовало его художественное оформление. В трудах разных исследователей можно найти описания некоторых из них. Например, важное символическое значение имела архитектурная планировка одного из наиболее утонченных садов Ханского дворца – Персидского, располагавшегося на южной окраине дворцового комплекса, которая в настоящее время выглядит как запущенное и заросшее пространство. Уже само название сада является кодом, указывающим на культурную связь Крымского ханства с Персией. Этот сад был спланирован согласно классическим канонам иранского садово-паркового искусства чахар баг [7]. Главным принципом данной концепции было разделение участка на четыре равные части при помощи водных каналов, берущих начало от центрального источника.

Архитектурно-художественный замысел чахар бага основан на символике числа четыре, которое наполнено глубоким сакральным содержанием в рамках множества религиозных и культурных традиций. Ряд исследователей полагает, что данный принцип лег в основу формирования такого религиозного символа, как крест [31]. Согласно мировоззрению жителей Древней Персии, крестообразное деление пространства на четыре сегмента и размещение в центре креста ключевого элемента – водного источника – символично соответствовало структуре мироздания. Кроме того, в исламской культуре число четыре обладает множеством смысловых интерпретаций. Оно может олицетворять, к примеру, природные состояния (холод и тепло, сухость и влажность), первичные стихии (воду, воздух, землю и огонь), стороны света (север, юг, запад, восток) или базовые элементы природы (металл, растение, животное и человек).

Еще одним ярким образом мусульманского представления о загробном мире является Бассейный дворик, который в современном своем состоянии лучше других частей Ханского сада сохранил первоначальный замысел и вид. Этот внутренний дворик, расположенный перед окнами Зала Дивана, примечателен густой высадкой декоративных цветущих растений и наличием закрытого водоема. Предполагается, что его использовали для проведения неформальных собраний или званых обедов на открытом воздухе с участием лиц, входивших в состав Дивана – высшего совещательного органа Крымского ханства [6].

Подробное описание Бассейного дворика представлено в работе З. Мамут, где рассмотрены его главные композиционные решения и элементы: прямоугольная вытянутая с севера на юг форма, прогулочные дорожки с лестницами, четырехкаскадный пристенный фонтан на мраморной доске, вода из которого по лотку стекает в каменный бассейн, обилие цветников, перголы для виноградника над прогулочными дорожками. Все элементы дворика имеют смысловое значение [20, с. 49].

Мотив сада с виноградом, произрастающим по периметру, и источником воды, стекающей в бассейн, перекликается с орнаментом Золотого фонтана дворца, расположенного в Малой дворцовой мечети. Подобное совпадение не случайно. В Золотом кабинете дворца есть надпись: «…окрест дворца свежие лилии, розы, гиацинты. Сад, разумно расположенный, говорит, как бы языком» [3, с. 496]. Бассейный дворик, построенный согласно принципам садово-паркового искусства Персии, наполнен религиозно-философским смыслом. Здесь снова присутствует модель мира четырехугольной формы, положенная в основу строительства персидских дворцовых садов. Такие

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2026 NO. 1

дворцы имели ориентацию по сторонам света, жилище правителя располагалось в центре. В элементах сада (растения, клумбы, малые архитектурные формы) «прочитывались» представления о «бренной жизни на земле и о вечной – в раю» [20, с. 50].

Цветники Бассейного дворика представляли собой ковровые посадки из различных по цветовой гамме растений. Такие композиции имитировали персидские ковры. В средневековой крымской суфийской поэзии разработан детальный «растительный» код для образного описания человека. Так, дом возлюбленной сравнивался с цветущим садом («гулистан»), а она сама – с божественным цветком; прядь волос – с базиликом, вьющийся локон – с гиацинтом, стройный стан – с кипарисом [20, с. 50].

В эпоху Крымского ханства эта растительная символика материализовалась в садовой архитектуре дворца. Растения и малые архитектурные формы стали носителями сакральной информации. Особенно ярко влияние суфийской лирики и персидских садовых традиций прослеживается в планировке Бассейного дворика, где каждый элемент несет определенный смысл. Здесь все не случайно. Символика сада многослойна: виноград – мусульманский символ благополучия; родник – символ начала жизни и изобилия; четырехкаскадный фонтан, впадающий в прямоугольный бассейн, олицетворял четыре стороны света, времена года и жизнь человека; розы, растущие в цветнике, считались царственными цветами и символизировали семью династии Гиреев.

Именно образ розы стал главным для династии Гиреев. Это подтверждается эпиграфикой: в одной из надписей на Хан-Джами (Большой ханской мечети) имеются слова: «Хаджи Селим-хан (да помилует Бог его, праведного мужа) был лучшим из ханов. Сколько ни расцвело роз в его цветнике, все они в свою очередь украшали владетельный дом», а правящий хан Селямет Гирей назван «новой розой этого цветника» [3, с. 497]. Та же метафора звучит в эпитафии на ханском кладбище у изголовья захоронения Махбубе Султан-ханым: «В цветнике мира я была роза и, увы, завяла» [3, с. 506]. Изобилие сортов и оттенков роз в цветниках дворца – следствие такого поэтического отождествления представителей династии Гиреев с этим цветком.

Еще один сильный образ Бассейного садика – беседка над большим бассейном, олицетворяющая «владетельный дом», в котором восседает правитель из рода Гиреев.

Таким образом, вся композиция Бассейного садика создавала идеальный образ благословенного края, наполненного жизнью и руководимого мудрым властелином.

Примечательно, что у крымских ханов было несколько дворцов на территории Крыма. С точки зрения садово-паркового искусства наибольший интерес представляет летний загородный дворец Ашлама-Сарай, который был возведен в 60-х гг. XVIII в. по приказу хана Кырым Гирея возле северного склона Чуфут-Кале на месте старинного прогулочного парка. Здесь культивировались различные сорта фруктовых деревьев и экзотические цветочные культуры [13]. «Ашмала» в переводе с крымскотатарского языка означает «привитый» [20, с. 48]. Сегодня, наблюдая пустынные каменистые склоны данной местности на окраине Бахчисарая, сложно представить, сколько усилий было приложено для превращения этого неблагоприятного ландшафта в благоустроенную и цветущую садовую территорию [8].

Первое по времени описание сада во дворце Ашлама-Сарай и строений на его территории сделал Э. Челеби в «Книге путешествий»: «Это такой прекрасный сад, в котором, как в райском саду – розовом цветнике – из конца в конец протекает журчащая вода, задерживается у дворцов, которые расположены по углам сада. [Во дворцах] влюбленные, оставшись наедине, слушают напевы соловьев. Вода и воздух там так прекрасны, что если кто-нибудь погуляет там хоть один час, он забудет горе и печали и пребудет в радости. <...> Входящие в этот сад думают, что попали в вечный Рай. Весной все деревья зацветают, цветут сливы, яблони, груши, черешни, вишни и другие деревья, распускаются прочие цветы. В этом месте человек пьянеет от благоухания»[1] [33, с. 88–89].

[1] Орфография и пунктуация источника сохранены

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

Личностное восприятие сада путешественником, сформированное через призму присущей ему совокупности культурных кодов, снова отсылает к образу Рая, воспринимаемому читателем через систему знаков, заложенных в описании. Сад полностью исчез в своем материальном воплощении, но его образ, сохранившийся через описания современников, по сей день остается частью культурного кода Бахчисарая.

Э. Челеби усиливает семиотический конструкт сада дворца в Ашмале, сравнивая его с Иремом – легендарным, популярным в мусульманской литературе и Коране многоколонным городом-дворцом, построенным по подобию Рая. Упоминает автор и «сесебиль» как элемент сада, в исламе так называется один из райских источников.

Сад, являясь по своей сути формой синтеза природы и разных видов искусств в симбиозе с историческим стилем эпохи своего создания, всегда развивается во взаимосвязи с философией, литературой, музыкой, живописью, градостроительством, архитектурой, народными традициями [4, с. 34]. По мнению Д. С. Лихачёва, среди всех видов искусств «садово-парковое искусство, пожалуй, теснее и постояннее всего связано именно с поэзией» [18, с. 29]. Поэты в разные времена использовали образ сада для передачи семантики любви, радости, счастья, иногда печали, тревоги или скорби.

В этом контексте происходит трансформация влияния садов Бахчисарая на культурный код города из материального измерения в образное. Примечательно, что своеобразный устоявшийся символический контекст рассматриваемого пространства был создан А. С. Пушкиным. После посещения Бахчисарайского дворца в 1820 г. поэт написал поэму «Бахчисарайский фонтан» (1822) и стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца» (1824), создав поэтический образ-символ страсти и печали, забвения и тоски:

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.
<…>
Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал… [27, с. 97].

или

<…>
Опустошив огнем войны
Кавказу близкие страны
И селы мирные России,
В Тавриду возвратился хан
И в память горестной Марии
Воздвигнул мраморный фонтан,
В углу дворца уединенный.
<…>
Журчит во мраморе вода
И каплет хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Так плачет мать во дни печали
О сыне, падшем на войне.
Младые девы в той стране
Преданье старины узнали,
И мрачный памятник оне
Фонтаном слез именовали.
<…>
Кругом все тихо, все уныло,
Все изменилось…

[27, с. 315–316].

Благодаря А. С. Пушкину Бахчисарайский дворец и его сады по сей день воспринимаются как романтический город, «ожившая легенда, место, где разгораются романтические страсти в антураже абсолютной красоты» [11, с. 27]. Созданный поэтом и воплощенный в дворцово-парковых пейзажах образ Бахчисарая проходит через произведения ряда других авторов, оказывая существенное формирующее воздействие на культурный код города.

Пушкинский мотив увядания красоты и могущества Крымского ханства утверждается в качестве культурного кода города описанием садов Бахчисарая известным краеведом и историком В. В. Пассеком: «И я подолгу грустил и задумывался в опустелых садах и комнатах Ханского дворца. <…> В садах, огражденных каменными высокими стенами, доживают свое время огромные грушевые и шелковичные деревья, и журчит вода, переливаясь из фонтана в фонтан. <…> И здесь, как и в садах, журчат фонтаны; и, в ненарушимой тишине, каждая капля воды дробится звуками

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE UCKOV
2026 NO. 1

и раздается в опустелых комнатах таинственным, едва слышным гулом» [24, с. 164].

Образ садов Бахчисарая, созданный А. С. Пушкиным, повторяется в творчестве А. Мицкевича, приобретая черты признанной всеми картины мира, базирующейся на неизбежном разрушении Бахчисарайского дворца. Стоит отметить, что поэтическое восприятие Бахчисарая отличается некоторой избирательностью. Его окрестности хранят отпечатки различных культур: Успенский пещерный монастырь как оплот православной веры в Крыму, Чуфут-Кале – древний центр караимской общины и иудаизма. Однако А. Мицкевич, следуя за романтической поэмой А. С. Пушкина, воспевает именно своеобразие исламской культуры этого места (см. об этом: [11] [25]). Для поэта Бахчисарайский дворец и его сады – экзотический мрачный философский символ ушедшего величия, бренности земной власти.

Развивая мысль А. С. Пушкина о всевластии времени, А. Мицкевич обогащает восточный колорит в сонете «Бахчисарай» библейским образом царя Валтасара, получившего таинственное предзнаменование о грядущей гибели, а также мотивом буйно разросшегося плюща, выступающего здесь в роли разрушительной силы, обращающей все в руины. В противовес этой силе поэт выстраивает многогранный образ фонтана, утвердившийся в русской поэзии благодаря А. С. Пушкину как устойчивый знак восточной культуры. Тем не менее в этой модели мироздания остается надежда на спасение в виде прославленного фонтана слез, который у А. Мицкевича символизирует поэтическое слово, неумолкающе звучащее перед лицом вечности:

Безлюден пышный дом, где грозный
жил Гирей.
Трон славы, храм любви –
дворы, ступени, входы,
Что подметали лбом паши
в былые годы,–
Теперь гнездилище лишь саранчи да змей.
В чертоги вторгшийся
сквозь окна галерей,
Захватывает плющ, карабкаясь
на своды,
Творенья рук людских во имя
прав природы.
Как Валтасаров перст,
он чертит надпись: «Тлей!»
Не молкнет лишь фонтан
в печальном запустенье –
Фонтан гаремных жен,
свидетель лучших лет,
Он тихо слезы льет, оплакивая тленье:
О слава! Власть! Любовь!
О торжество побед!
Вам суждены века, а мне – одно мгновенье.
Но длятся дни мои, а вас –
пропал и след

(цит. по: [17, с. 67–68]).

Несмотря на то, что в Бахчисарайском дворце было 14 фонтанов, а во всем городе – около 150, именно воспетый А. С. Пушкиным Фонтан слез стал культурным символом города, и в последующем использовался большинством поэтов при описании Бахчисарая [11]. Фонтан, построенный согласно преданию в 1764 г. у входа в усыпальницу любимой жены хана Крым-Гирея Диляры-бикеч, создал глубокий эмоциональный и художественный стиль города.

И молчат утесы,
И сады молчат...
И одни лишь слезы
В тишине звучат

[9, с. 203].

Таким образом, исчезнувшие сады Бахчисарая через взаимосвязь с русской поэзией усиливают свое влияние на культурный код города, символизируя место безграничного одиночества, где прошлое предано забвению, а падающие капли воды олицетворяют уходящее время.

Согласно уже упоминавшимся мусульманским представлениям о Рае с многочисленными источниками и постоянно плодоносящими деревьями, сады и фонтаны Бахчисарайского дворца ассоциированы в поэтических произведениях ряда поэтов с Раем. Так, А. А. Ахматова в стихотворении «Вновь подарен мне дремотой...» (1916) сопоставляет сады Бахчисарая с «Эдемом – местом счастливого творчества» [18, с. 30]. Стихотворение отражает глубокую духовную связь и творческую преемственность поэтессы с А. С. Пушкиным, символично подтверждая мысль о том, что «золотой Бахчисарай» заряжает особой ху-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

дожественной энергией, вдохновляет на внутренний творческий процесс [15]:

Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звездный рай –
Город чистых водометов,
Золотой Бахчисарай.
Там за пестрою оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отрадой
Царскосельские сады <...>

[2, с. 102].

«Дворец садов, Велик Бахчисарай!» – провозглашает В. А. Шуф в сонете «Бахчисарай». Также ассоциируя город с мусульманской культурой Крымского ханства, поэт через мотив песни народных музыкантов сазандаров и «рокот струн» уводит Бахчисарай в пространство памяти и устного предания. Он предстает не как географическое место, а как «роскошный край» и «дворец садов» – идеализированный образ, чья слава основана на ушедшей власти династии Гиреев. Сад здесь изначально символизирует утраченное политическое и культурное могущество. Символическое значение сонета заключается в последовательной смене семантики Бахчисарая: из воспетого легендами образа политического центра он трансформируется в символ чувственного гарема-рая, история и героини которого превращаются в вечный, ускользающий мираж, охраняемый немыми стражами-кипарисами:

Под рокот струн мне пели сазандары
Про старину и тот роскошный край,
Где власть Гиреев помнили татары.
«Дворец садов, велик Бахчисарай!»
Там юных роз цветет душистый рай,
И кипарис, гарема евнух старый,
Хранит их сна пленительные чары.
«Дворец садов, велик Бахчисарай!»
Но в час, когда над белым минаретом
Взойдет луна вечернею порой,
Пробуждены цветы волшебным светом.
Рой алых роз,– не жен ли ханских рой!
Скользят они, окутаны чадрой,
В гареме, тьмой прозрачною одетом

[34].

Образ садов Бахчисарая стал значимой творческой темой для художников XIX и XX столетий. В этот период город посетили и вели работы с натуры И. Е. Репин, В. И. Суриков и И. Н. Крамской. Особое место в формировании культурного кода города занимает творчество Н. К. Жаба, которая прожила в Бахчисарае почти два десятилетия. Древняя архитектура и живописные окрестности вдохновили ее на создание многочисленных рисунков и акварелей. Подлинным певцом Бахчисарая называют крупного русского и советского художника А. В. Куприна. Впервые оказавшись в Крыму в 1908 г., с 1920-х гг. он неразрывно связал свое творчество с этим городом. Здесь были написаны его знаменитые полотна «Тополя» и «Биасальская долина», хранящиеся в Третьяковской галерее. В 1920–1930-е гг. он создал обширный цикл пейзажей, сочетающих эмоциональное восприятие природы с оригинальным композиционным построением. А. В. Куприн тонко чувствовал связь архитектуры с природно-культурным ландшафтом города [22].

Сады Бахчисарая вдохновляли не только художников. В 1930-е гг. город посещал музыковед и композитор Б. В. Асафьев, автор знаменитого балета «Бахчисарайский фонтан», созданного в 1934 г. по мотивам поэмы А. С. Пушкина и до сих пор сохраняющего популярность на отечественной и зарубежной сцене.

* * *

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что сад оказывает формирующее воздействие на культурный код города, выступая одним из его структурообразующих элементов. Более того, в ряде случаев, идентичность города выстраивается именно вокруг сада и сопряженных с ним элементов культурного ландшафта, что выводит сад в центр городского культурного пространства, отводя ему роль одной из семантических доминант города. Так, структурно-семиотический подход к исследованию исторических садов Бахчисарая показал, что садово-парковые комплексы Крымского ханства кроме утилитарной и рекреационной составляющей были носителями властной, религиозной и эстетической символики, то есть садово-парковая специфика культурного кода Бахчисарая представлена как материальной, так и символической составляющими.

Материальная составляющая включает объекты садово-паркового наследия: со-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2026 NO. 1

хранившиеся и реставрированные фрагменты ханских садов, планировку территорий, фонтаны и гидротехнические сооружения. Символическая же компонента представлена устойчивыми семантическими конструктами, зафиксированными в фольклорных и поэтических источниках, литературных описаниях путешественников, визуальных репрезентациях (живопись, графика, фотография). Особое значение приобретает семантика самого названия «Бахчисарай», которое аккумулирует в себе представление о саде как об идентификационном ядре города.

Бахчисарай по праву считается историко-культурным центром крымских татар, отражает их территориальную идентичность. И сады Бахчисарая, воплотившие культурные коды этой нации, оказали определяющее влияние на формирование идентичности уже самого города.

Изучение садов Крымского ханства в их символическом контексте, в том числе обращение к ныне утраченным садам, раскрывает ключевую особенность сада как составляющей культурного кода города. Научной новизной проведенного исследования является обнаружение способности сада трансформироваться в своем временном развитии: переходить из материальной формы в форму образа, закрепленного в культурной памяти, литературных и музыкальных произведениях, произведениях изобразительного искусства, воспоминаниях современников. Так, несмотря на то, что сегодня большинство аутентичных садовых комплексов периода Крымского ханства утрачено, за несколько столетий их смысловая и символическая значимость, а также степень участия в идентификационных процессах города не только не снизились, но и приобрели характер культурной константы. В этой связи актуальной научной и практической задачей, стоящей перед современными исследователями и градостроителями, становится сохранение садово-паркового наследия Крымского ханства как материальной основы культурной памяти, а также укрепление и интеграция его культурных кодов в действующую систему садово-паркового оформления Бахчисарая.

Обнаружение символического воздействия ранее утраченных садов на формирование современной городской идентичности обусловливает необходимость расширения исследований культурного кода города в направлении культурологического анализа смыслового наполнения объектов садово-паркового искусства, каждый из которых представляет собой «слепок» эпохи своего создания, в других городах. Рассмотрение сада как элемента культурного кода города, с учетом верховенства символической составляющей, позволит актуализировать городские исследования в направлении поиска оснований коллективной (в том числе и территориальной) идентичности и выявления глубинных основ формирования культурной памяти города.

Кроме того, в отношении исторических садов актуальность и перспективность культурологического осмысления обусловливается возможностью обеспечить их подлинное сохранение через поиск и понимание истинной ценности этих элементов городского пространства как носителей культурных смыслов, без которых сад превращается в безликую зеленую зону, лишенную исторической памяти и символического наполнения.

Tatiana S. VASHCHENKO
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Russian Federation
vas_ts@mail.ru

The Garden and Park Component of the Cultural Code of Bakhchisaray: From a Material Object to a Symbolic Constant

Abstract. This article analyzes the symbolism of the garden as one of the most important elements shaping and maintaining the cultural code of a city. The aim of the study is to identify the significance of the garden and park component in the cultural code of Bakhchisaray, the former capital of the Crimean

Khanate. The work draws on historical descriptions (19th-century guidebooks and travel accounts), poetry collections, and materials from the official website of the museum-reserve. The methodological framework is a structural-semiotic approach, which allows the city to be examined as a complex semiotic system. The garden, as part of this system, functions as a distinct sign emerging at the intersection of the natural and cultural codes. The study analyzes the influence of the garden as a cultural phenomenon on the development of Bakhchisaray's cultural code. It examines the garden complexes of the Khan's Palace from the Crimean Khanate period, including both those preserved (the Pool Courtyard) and those partially or completely lost (the Persian Garden, Ashlam-Saray). Within the context of Islamic tradition, their symbolism is interpreted as encompassing religious, dynastic, and cosmological meanings. Considerable attention is paid to the analysis of the garden as a material embodiment of the image of paradise in the Islamic religious worldview. The transformation of material forms into poetic (Alexander Pushkin, Adam Mickiewicz, V. A. Shuf, and others) and artistic (N. K. Zhaba, A. V. Kuprin, and others) representations of the 19th–20th centuries is traced. It is established that the garden acts as a structure-forming element of Bakhchisaray's cultural code. The example of this city demonstrates that urban identity can be built around the garden and its associated cultural landscape elements, allowing the garden to be regarded as a semiotic dominant. The main contribution of the work lies in identifying the most important feature of the garden: its ability to transform over time from a material form into a figurative one embedded in cultural memory, literature, and the recollections of contemporaries. As the material shows, even after losing its material basis, the semiotic significance of the garden persists and acquires the character of a cultural constant. This, however, not only does not diminish but rather underscores the urgency of preserving garden and park heritage as the material foundation for sustaining and reproducing cultural memory, as well as for integrating its codes into the contemporary system of garden and park design in Bakhchisaray.

Keywords: Bakhchisaray, Crimean Khanate, garden and park complex of the Khan's Palace, cultural code, cultural landscape, city, cultural identity of the city, garden, semantics of the garden.

Литература:

1. Аванесов С. С. Идентичность города: визуальное пространство и культурный смысл // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2025. № 2 (44). С. 8–30.

2. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. 560 с.

3. Борзенко А. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // Записки Одесского общества истории древностей. 1855. Т. 1. С. 489–528.

4. Ващенко Т. С. Симбиоз семантики природы и поэтической мысли в садово-парковом искусстве // Таврические студии. 2024. № 39. С. 34–38.

5. Гайворонский О. Страна Крым. Крымское ханство в лицах и событиях. Кн. 1. Симферополь: Доля, 2004. 94 с.

6. Гайворонский О. Хансарай: Бассейный дворик [Электронный ресурс] // Crimeantatars.club: сетевой журнал. 2025. URL: https://www.crimeantatars.club/history/nasledie/pamyat-kryma-hansaraj-bassejnyj-dvorik (дата обращения: 15.12.2025).

7. Гайворонский О. Хансарай: Персидский сад (Малый гарем) [Электронный ресурс] // Crimeantatars.club: сетевой журнал. 2025. URL: https://www.crimeantatars.club/history/crimean-memory/pamyat-kryma-hansaraj-persidskij-sad (дата обращения: 15.12.2025).

References:

1. Avanesov, S.S. (2025) Identichnost' goroda: vizual'noe prostranstvo i kul'turnyy smysl [City Identity: Visual Space and Cultural Meaning]. *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki*. 2 (44). pp. 8–30.

2. Akhmatova, A.A. (1976) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and Long Poems]. Leningrad: Sov. pisatel'. 560 p.

3. Borzenko, A. (1855) Bakhchisarayskie arabskie i turetskie nadpisi [Bakhchisaray Arabic and Turkish Inscriptions]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostey*. 1. pp. 489–528.

4. Vashchenko, T.S. (2024) Simbioz semantiki prirody i poeticheskoy mysli v sadovo-parkovom iskusstve [Symbiosis of Semantics of Nature and Poetic Thought in Garden and Park Art]. *Tavricheskie studii*. 39. pp. 34–38.

5. Gaivoronskiy, O. (2004) *Strana Krym. Krymskoe khanstvo v litsakh i sobytiyakh* [Country Crimea: Crimean Khanate in Persons and Events]. Vol. 1. Simferopol: Dolya. 94 p.

6. Gaivoronskiy, O. (2025) Khansaray: Basseynyy dvorik [Khansaray: Pool Courtyard]. *Crimeantatars.club*. [Online] Available from: https://www.crimeantatars.club/history/nasledie/pamyat-kryma-hansaraj-bassejnyj-dvorik (Accessed: 15.12.2025).

7. Gaivoronskiy, O. (2025) Khansaray: Persidskiy sad (Malyy garem) [Khansaray: Persian Garden (Small Harem)]. *Crimeantatars.club*. [Online] Available from: https://

8. Гайворонский О. Ханский дворец: Ашлама-сарай (исчезнувший) [Электронный ресурс] // Crimeantatars.club: сетевой журнал. 2024. URL: https://www.crimeantatars.club/history/nasledie/pamyat-kryma-hanskij-dvorets-ashlama-saraj-ischeznuvshij (дата обращения: 15.12.2025).

9. Данилевский Г. П. Бахчисарайская ночь // Данилевский Г. П. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М.: Терра, 1995. С. 203.

10. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым, членом Императорской Санктпетербургской Академии наук и искусств, Императорского С.- Петербургского университета, и академий Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской. М.: Тип. Александра Семена, 1853. 543 с.

11. Иванова Н. П. Мотивы сна и увядания в Бахчисарайском тексте русских поэтов XIX–XX вв // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. № 2. С. 25–35.

12. Калинина Г. Н., Тикунова С. В. Концепт «Культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 17 (238). Вып. 37. С. 105–110.

13. Качка Д. Э. Дворцы правителей Крымского ханства [Электронный ресурс] // Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник». [2019]. URL: https://handvorec.ru/novosti/dvortsy-pravitelej-krymskogo-hanstva/ (дата обращения: 15.12.2025).

14. Кокорина Е. Г. Культурный ландшафт как текст // Культурные ландшафты Крыма. Симферополь: Ариал, 2016. С. 277–282.

15. Кудасова В. В. Сады и парки А. Ахматовой // Истоки, традиции, контекст в литературе: межвуз. сб. науч. тр. Владимир: Владимир. гос. пед. ин-т, 1992. С. 87–95.

16. Лавренова О. А. Семиотическая концепция культурного ландшафта // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1 (36). С. 38–47.

17. Левик В. Избр. переводы: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1977. 383 с.

18. Лихачёв Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 3-е изд., испр. и доп. М.: Согласие, тип. «Новости», 1998. 356 с.

19. Лосев Д. В. Культурный код: определение понятия и практическая проблематика феномена: теоретический обзор // Pan-Art. 2024. Т. 4. Вып. 2. С. 132–140. DOI 10.30853/pa20240020.

20. Мамут З. Растительные композиции Бахчисарайского ханского дворца // Qasevet. 2014. № 42. С. 44–53.

21. Микитинец О. И. Urban anthropology: роль креативных индустрий в конституировании городского культурного пространства // Культура народов Причерноморья. 2012. № 252. С. 163–167.

22. Нагаевская Е. В. Бахчисарай (путеводитель). Симферополь: Таврия, 1979. 88 с.

23. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. Т. 2, № 3. 2002. С 3–12.

24. Пассек В. В. Отрывки из путешествия по Крыwww.crimeantatars.club/history/crimean-memory/pamyat-kryma-hansaraj-persidskij-sad (Accessed: 15.12.2025).

8. Gaivoronskiy, O. (2024) Khanskiy dvorets: Ashlama-saray (ischeznuvshiy) [Khan's Palace: Ashlama Saray (vanished)]. *Crimeantatars.club*. [Online] Available from: https://www.crimeantatars.club/history/nasledie/pamyat-kryma-hanskij-dvorets-ashlama-saraj-ischeznuvshij (Accessed: 15.12.2025).

9. Danilevskiy, G.P. (1995) Bakhchisarayskaya noch' [Bakhchisaray Night]. In: *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works in 10 Volumes]. Vol. 10. Moscow: Terra. p. 203.

10. Demidov, A.N. (1853) *Puteshestvie v Yuzhnuyu Rossiyu i Krym, cherez Vengriyu, Valakhiyu i Moldaviyu, sovershennoe v 1837 godu Anatoliem Demidovym, chlenom Imperatorskoy Sanktpeterburgskoy Akademii nauk i iskusstv, Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta, i akademiy Parizhskoy, Myunkhenskoy i Stokgol'mskoy* [Travel to Southern Russia and Crimea, through Hungary, Wallachia and Moldavia, made in 1837 by Anatoly Demidov, member of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences and Arts, Imperial St. Petersburg University, and the Paris, Munich and Stockholm Academies]. Moscow: Tip. Aleksandra Semena. 543 p.

11. Ivanova, N.P. (2019) Motivy sna i uvyadaniya v Bakhchisaraiskom tekste russkikh poetov XIX–XX vv [Motifs of Sleep and Wilting in the Bakhchisaray Text of Russian Poets of the 19th–20th Centuries]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 2. pp. 25–35.

12. Kalinina, G.N. & Tikunova, S.V. (2016) Kontsept "Kul'turnyy landshaft": filosofsko-kul'turologicheskaya eksplikatsiya [The Concept of "Cultural Landscape": Philosophical and Cultural Explication]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 17 (238). pp. 105–110.

13. Kachka, D.E. (2019) Dvortsy praviteley Krymskogo khanstva [Palaces of the Rulers of the Crimean Khanate]. *Bakhchisaraiskiy istoriko-kul'turnyy i arkheologicheskiy muzey-zapovednik* [Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve]. [Online] Available from: https://handvorec.ru/novosti/dvortsy-pravitelej-krymskogo-hanstva/ (Accessed: 15.12.2025).

14. Kokorina, E.G. (2016) Kul'turnyy landshaft kak tekst [Cultural Landscape as Text]. In: *Kul'turnye landshafty Kryma* [Cultural Landscapes of Crimea]. Simferopol: Arial. pp. 277–282.

15. Kudasova, V.V. (1992) Sady i parki A. Akhmatovoy [Gardens and Parks of A. Akhmatova]. In: *Istoki, traditsii, kontekst v literature* [Sources, Traditions, Context in Literature]. Vladimir: Vladimir State Pedagogical Institute. pp. 87–95.

16. Lavrenova, O.A. (2019) Semioticheskaya kontseptsiya kul'turnogo landshafta [Semiotic Concept of Cultural Landscape]. *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*. 1 (36). pp. 38–47.

17. Levik, V. (1977) *Izbr. perevody* [Selected Translations]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit. 383 p.

18. Likhachev, D.S. (1998) *Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovykh stiley. Sad kak tekst* [The Poetry of Gardens: On the Semantics of Garden and Park Styles. Garden as Text]. 3rd ed. Moscow: Soglasie, tip. "Novosti". 356 p.

19. Losev, D.V. (2024) Kul'turnyy kod: opredelenie ponyatiya i prakticheskaya problematika fenomena: teore-

му // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком: в 5 кн. Кн. 2. СПб.: Тип. Н. Греча, 1840. С. 151–176.

25. Порубай Л. Н. Крымские сонеты // Крымский архив. 2015. № 3 (18). С. 13–32.

26. Прокопенков В. Н. Бахчисарай в литографиях, гравюрах и открытках: альбом. Симферополь: Фирма Салта ЛТД, 2011. 352 с.

27. Пушкин А. С. Избр. произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1970. 640 с.

28. Спешилова Е. И. Культурный код города и производство пространства // ПРАΞНМА (Praxema). Проблемы визуальной семиотики. 2025. № 2 (44). С. 56–71.

29. Федотова Н. Г. Культурный код города. Великий Новгород: Новгородск. гос. ун-т, 2025. 303 с.

30. Филиппов С. Н. По Крыму. Отражения. М.: Тип. А. Левенсон и Ко, 1889. 469 с.

31. Хагшенас А. Чахарбаг, изначальный пример великих садов человеческой цивилизации [Электронный ресурс] // Инженерный вестник Дона. 2014. № 1. URL: http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2014/2291 (дата обращения: 11.12.2025).

32. Хатыбова У. Мотив сада в архитектуре Ханского дворца [Электронный ресурс] // Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник. URL: https://handvorec.ru/novosti/motiv-sada-v-arhitekture-hanskogo-dvortsa/ (дата обращения: 19.11.2025).

33. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.

34. Шуф В. А. Сонет LII. Бахчисарай (А. Н. Витмеру) [Электронный ресурс] // Шуф В. А. В край иной… Сонеты. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. 203 с. [Электронная версия доступна на сайте Библиотеки российских авторов Bibra.ru. URL: https://bibra.ru/composition/v-kraj-inoj/ (дата обращения: 15.12.2025)].

35. Hunt J. D. Greater perfections: the practice of garden theory. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2000. 273 p.

36. Ross St. A. What Gardens Mean. Chicago; London: University of Chicago Press, 1998. 271 p.

ticheskiy obzor [Cultural Code: Definition and Practical Problems of the Phenomenon: A Theoretical Review]. *Pan-Art*. 4 (2). pp. 132–140. DOI 10.30853/pa20240020.

20. Mamut, Z. (2014) Rastitel'nye kompozitsii Bakhchisaraiskogo khanskogo dvortsa [Plant Compositions of the Bakhchisaray Khan's Palace]. *Qasevet*. 42. pp. 44–53.

21. Mikitinets, O.I. (2012) Urban anthropology: rol' kreativnykh industriy v konstituirovanii gorodskogo kul'turnogo prostranstva [Urban Anthropology: The Role of Creative Industries in the Constitution of Urban Cultural Space]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 252. pp. 163–167.

22. Nagaevskaya, E.V. (1979) *Bakhchisaray (putevoditel')* [Bakhchisaray: A Guide]. Simferopol: Tavriya. 88 p.

23. Park, R. (2002) Gorod kak sotsial'naya laboratoriya [City as a Social Laboratory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2 (3). pp. 3–12.

24. Passek, V.V. (1840) Otryvki iz puteshestviya po Krymu [Excerpts from a Journey through Crimea]. In: *Ocherki Rossii, izdavaemye Vadimom Passekom* [Essays on Russia, published by Vadim Passek]. Book 2. St. Petersburg: Tip. N. Grecha. pp. 151–176.

25. Porubay, L.N. (2015) Krymskie sonety [Crimean Sonnets]. *Krymskiy arkhiv*. 3 (18). pp. 13–32.

26. Prokopenkov, V.N. (2011) *Bakhchisaray v litografiyakh, gravyurakh i otkrytkakh: al'bom* [Bakhchisaray in Lithographs, Engravings and Postcards: Album]. Simferopol: Firma Salta LTD. 352 p.

27. Pushkin, A.S. (1970) *Izbr. proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozh. lit. 640 p.

28. Speshilova, E.I. (2025) Kul'turnyy kod goroda i proizvodstvo prostranstva [City's Cultural Code and the Production of Space]. *ПРАΞНМА (Praxema). Problemy vizual'noy semiotiki*. 2 (44). pp. 56–71.

29. Fedotova, N.G. (2025) *Kul'turnyy kod goroda* [City's Cultural Code]. Velikiy Novgorod: Novgorod State University. 303 p.

30. Filippov, S.N. (1889) *Po Krymu. Otrazheniya* [Around Crimea. Reflections]. Moscow: Tip. A. Levenson i Ko. 469 p.

31. Khagshenas, A. (2014) Chakharbag, iznachal'nyy primer velikikh sadov chelovecheskoy tsivilizatsii [Charbagh, the Original Example of the Great Gardens of Human Civilization]. *Inzhenernyy vestnik Dona*. [Online] Available from: http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2014/2291 (Accessed: 11.12.2025).

32. Khatybova, U. (n.d.) Motiv sada v arkhitekture Khanskogo dvortsa [Garden Motif in the Architecture of the Khan's Palace]. *Bakhchisaraiskiy istoriko-kul'turnyy i arkheologicheskiy muzey-zapovednik* [Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve]. [Online] Available from: https://handvorec.ru/novosti/motiv-sada-v-arhitekture-hanskogo-dvortsa/ (Accessed: 19.11.2025).

33. Çelebi, E. (2008) *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka)* [Book of Travel. Crimea and Adjacent Regions. (Excerpts from the work of a 17th-century Turkish traveler)]. 2nd ed. Simferopol: Dolya. 272 p.

34. Shuf, V.A. (1906) Sonet LII. Bakhchisaray (A. H. Vitmeru) [Sonnet LII. Bakhchisaray (to A.H. Vitmer)]. In: *V kray inoy... Sonety* [To Another Land... Sonnets]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'bork. p. 203. [Online] Available

from: https://bibra.ru/composition/v-kraj-inoj/ (Accessed: 15.12.2025).

35. Hunt, J.D. (2000) *Greater Perfections: the Practice of Garden Theory*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 273 p.

36. Ross, St. A. (1998) *What Gardens Mean*. Chicago; London: University of Chicago Press. 271 p.

Потенциальный конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interest disclosure
The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов
Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement
Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):
Ващенко Т. С. Садово-парковая составляющая культурного кода Бахчисарая: от материального объекта к символической константе // Наследие веков. 2026. № 1. С. 63–77. DOI: 10.36343/SB.2025.45.1.004.

For citation:
Vashchenko, T.S. (2026) The Garden and Park Component of the Cultural Code of Bakhchisaray: From a Material Object to a Symbolic Constant. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 1. pp. 63–77. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.45.1.004.

Поступила в редакцию / Received 01.02.2026
Поступила после рецензирования / Revised 25.02.2026
Принята к публикации / Accepted 10.03.2026
Опубликована / Published 31.03.2026